

УДК 316.6:32.019.51

ПСИХОЛОГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ОБЩЕСТВА И ВЛАСТИ

А.Ф. Шикун¹, В.В. Федоров², А.И. Иванчикова²

¹Тверской государственный университет, г. Тверь

²Тверской государственный технический университет, г. Тверь

Социальный мир, включая отношения общества и власти, предстает перед исследователями в ипостасях среды предметно-пространственного окружения и сознания. Способность субъекта власти навязать свою волю другим, распоряжаться и управлять их действиями реализуется, среди прочего, в создании специфических архитектурных пространств, в которых располагаются властные структуры.

Ключевые слова: *психология власти, архитектурная среда, психология восприятия, параметры среды в предпочтениях социальных групп.*

Учет социального контекста в социально-психологических исследованиях предполагает «принятие идеи социальных изменений как одной из центральных в методологии» [3, с. 10]. Социальные изменения должны рассматриваться в предельно широком контексте: поскольку люди живут в определенном пространстве и времени, постольку «существует неизбежный “контейнер”, в котором “помещается” социальная жизнь» [7, с. 276–277].

Речь идет о двух субпространствах социального мира: 1) предметно-пространственной среде и 2) сознании (суть мире идей, символов, верований и пр.). Взаимодействуя, эти две среды образуют пространство социального бытия, которое предстает в массовом сознании как совокупность абстрактных, мифологизированных, а также конкретно-ассоциативных и эмоционально-оценочных представлений о территориях населенного места, региона, страны, мира [6, с. 3]. Различные компоненты образуют материальные, смысловые, символические взаимодействия, организуют процедуру пространственной репрезентации, «привязки к месту» различных сторон социального бытия.

Власть как асимметрия влияний всегда и повсюду сопутствует человеку. Способность субъекта власти навязать свою волю другим, распоряжаться и управлять их действиями с помощью самых разнообразных методов и средств неизбежно проявляется в создании и восприятии специфического сегмента пространств социального бытия – архитектурных пространств, в которых располагаются разноуровневые властные структуры.

С функциональной точки зрения задача власти состоит в реализации целей управления, поэтому феномен власти перманентно принадлежит обществу и не может быть сведен только к функции насилия. Прежде всего власть – это своеобразная система коммуникации между различными её субъектами и объектами, участвующими в системе властных отношений, а не просто достояние одной из сторон. Возникающее коммуникативное влияние есть не что иное, как психологическое воздействие, осуществляемое, среди прочего, и посредством различных знаковых систем.

Естественная ориентация архитектурного творчества на успех, известность, получение выгодных заказов во все времена позволяла власти добиваться желаемого результата. Переориентация характера архитектурной образности на потребительские ценности власти с учетом их чувственно-эмоционального восприятия приводила архитектуру к особой образности и зрелищности объектов и пространств дислокации властных структур.

Этот момент самым очевидным образом проявляется и в психологии «пространственных» отношений власти и общества. Архитектурное пространство власти следует рассматривать как часть реального (физического) пространства, организованного системой объектов в особое художественно-осмысленное пространство, состоящее из разнообразных «архитектурных текстов». Следует сразу оговориться, что в нем нет ни «объективного содержания», ни раз и навсегда заданного смысла: есть лишь образы, рождающие настроение и, возможно, содержание.

С точки зрения психологии восприятия коммуникативная схема «власть ⇔ архитектурный текст ⇔ субъект восприятия» асимметрична и неэффективна. Однако цель коммуникации (оказание влияния), по нашему мнению, достигается, правда, с известной степенью неопределенности, ибо речь идет о том слоистом и текучем массиве образов и символов, глубина и адекватность понимания которого зависит от множества условий. Неявно, но постоянно воздействуя на нас, архитектурные пространства власти несут в себе заданные смысловые слои, провоцируя наше сознание на их многомерное понимание, формируют видение мира и эмоциональное отношение к нему. При этом сложно (если вообще возможно) разграничить рациональный дискурс, интуицию и чувственность в конкретных процессах восприятия, и мы можем говорить скорее о доминировании тех или иных познавательных способностей.

Демонстрация особого статуса власти во времена первобытного общества была замкнута на символику формы тотемических символов и украшений (ожерелья из зубов и когтей, шкуры, головные уборы, рога и

т. д.). Параллельно развивался и символизм власти, берущий свое начало от символизма уровня и мистического «Центра мира».

Власть всегда прибегает к особым правилам «написания» архитектурных текстов, в которых художественно-образные аспекты композиции опираются на систему определенных закономерностей подобно тому, как музыка имеет свою музыкальную грамоту или язык – грамматический строй. В повседневной жизни архитектура воспринимается чаще всего непреднамеренно (непроизвольно). Осмысленное перцептивное отражение внешнего мира органично и непрерывно связано с сознанием субъекта, в структуре которого восприятие представляет собой компонент внутренне связанного целого, имеющего определенный состав и отношения между функциями сознания.

Одна из «возможных структур сознания» субъекта, воспринимающего пространство, включает восприятие, мышление, эмоции, память и волю. Между этими компонентами существуют неразрывные связи и взаимопереходы, выражающие неустойчивое равновесие субъективной реальности как диссипативной системы. Анализ выделенных семи устойчивых типов взаимодействия названных компонентов сознания субъекта [5, с. 72–87] позволяет прийти к выводу, что в интересах власти, стремящейся (иногда неосознанно) использовать архитектурный текст как средство коммуникации, навязать индивиду именно преднамеренное («нагруженное») восприятие.

Говоря о власти (будь это власть церкви, выраженная в торжественном образе собора, или власть светская, заявляющая о себе пышной декорацией стен кремля, фасада дворца и особой организацией архитектурного пространства), мы можем выделить некоторые характерные аспекты психологии пространственных отношений власти и социума.

Политический аспект. Выражается прежде всего в центральном положении властных строений в структуре поселения. Обычно «Центр власти» формируется зрительным воздействием материальных объектов, хотя сам часто не материален (скорее, это духовная целостность, порождаемая в сознании взаимодействием элементов архитектурного текста – сооружений и пространственных пауз между ними).

Личностный аспект. Тесно смыкается с политическим, состоит в унижении и противопоставлении человека и власти. Центральная площадь, обычно принадлежащая власти, «экстерриториальна»: у её границ «умирают» улочки старого города, возникает символ островного мира. Человек должен со всей резкостью и очевидностью почувствовать

контраст между беспорядочной и неухоженной суетой обыденного города и тожественным спокойствием, пышным великолепием власти.

Пример – площадь Св. Петра в Риме. Обратимся к Д.Е. Аркину [1, с. 137–138], чье описание разворачивает перед нами грандиозное архитектурное пространство власти:

«...Она подавляет с первого же взгляда и первое же сильнейшее ощущение – эмоция протеста, почти физическая потребность сопротивляться этому исполинскому натиску архитектурных форм. В громадные щипцы взято пространство площади, от самого собора вы отделены внушительной дистанцией. Но колоннада наделяет эту дистанцию ещё совершенно особым свойством – впечатлением недостижимости фасада. Громадные отростки, тянущиеся от фасада и огибающие всю площадь, как будто призваны не подпустить близко к portalу».

Но, ступив на площадь, мы попадаем в зону влияния собора, и первое наше ощущение сменяется другим.

«Колоннада, мешавшая приблизиться к фасаду, теперь тянет к нему, схватывает и как бы запирает вас внутри площади или внутри самого храма, как бы вышедшего своим нутром на площадь, как бы продолжившего себя, свой объем, свое внутреннее пространство в пространство внешнее».

Площадь становится развитием и продолжением храма. И уже все архитектурное пространство есть материальное воплощение власти, которая не ждет взгляда, восприятия человека. Она сама, воплощенная в архитектуре, наступает на него, замыкая в своих гранях и навязывая свой образ.

«...И пока продолжается путь через площадь, вернее внутри неё, все новые и новые облики принимает фасад, все глуше и глуше замыкается “интерьер площади”, все растет, сначала смутное, а потом отчетливое чувство насильственного, подавляющего вмешательства этой архитектуры в жизнь человека, в жизнь города».

Суть *социального аспекта* пространственных отношений власти и общества состоит в постоянном напоминании об инаковости власти. Именно поэтому властные структуры испытывали такую сильную привязанность к «зданиям с биографией», уже занявшим свое место в истории и общественном сознании.

Четвертый аспект – *универсальность*, который фактически синтезирует ранее рассмотренные аспекты психологии пространственных отношений власти и общества. Он выражает необходимость особой образности и легко читаемого символизма архитектурных пространств, создающих единство и качественную определенность среды. Прекрасный пример такого восприятия

архитектуры дает семиотик, литературовед и историк культуры У. Эко в романе «Имя розы».

«...Потом двинулись в гору навстречу солнцу. Мы подымались по крутой тропе, огибавшей гору. Вдруг аббатство встало перед нами. Меня поразила не толщина стен – такими стенами огораживались монастыри во всем христианском мире, – а громадность постройки, которая, как я узнал позже, и была Храминой. Восьмиугольное сооружение сбоку выглядело четырехугольником (совершеннейшая из фигур, отображающая стойкость и неприступность Града Божия). Южные грани возвышались над площадью аббатства, а северные росли из склона горы и отважно повисали над бездной. Снизу, с некоторых точек казалось, будто не постройка, а сама каменная скала громоздится до неба и, не меняя ни материала, ни цвета, переходит в сторожевую башню: произведение гигантов, родственных и земле и небу. Три пояса окон сообщали тройной ритм ее вертикали, так что, оставаясь на земле физическим квадратом, в небе здание образовывало спиритуальный треугольник.

Подойдя ближе, я увидел, что на каждом углу квадратного основания стоит башня-семигранник, из семи сторон которой пять обращены вовне, так что четыре стороны большого восьмигранника превращены в четыре малых семигранника, которые снаружи представляются пятигранниками. Не может человек быть равнодушен к такому множеству священных чисел, полных, каждое, тончайшего духовного смысла. Восемь – число совершенства любого квадрата, четыре – число евангелий, пять – число зон неба, семь – число даров Духа Святого. Величиной и планом Храмина походила на виденные мной позднее замки, но была еще неприступнее, и робость охватывала всякого идущего к аббатству путника.

Мной овладел страх, и появилось неприятное предчувствие. Бог свидетель, что не от бредней незрелого разума, а оттого, что слишком заметны были дурные знаки, проявившиеся на тех камнях еще в давние времена...»

Совокупность параметров архитектурной среды, предпочитаемых представителями властных структур и обывателями (по итогам обследования 1997–2010 гг.), приведена в таблице. Предпочтения (отмечены в таблице знаком «+») определялись как по результатам опросов (общая выборка более 150 человек) [4, с. 24, 46 и 57], так и путем анализа фото- и видеоматериалов (рассматривались, как реализованные предпочтения власти). Оценка проводилась по 9 параметрам, которые, с нашей точки зрения, обеспечивают достаточно полное представление о параметрах архитектурной среды. Участники опросов знали, что результаты опросов являются материалом для диагностики и что, кроме того, оценивается их способность к

объективному суждению о среде предметно-пространственного окружения. Обработка результатов [2, с. 65–69] показывает неслучайность ($p < 0,01$) различий в выборе предпочитаемых параметров архитектурной среды представителями различных социальных страт.

Сопоставление параметров архитектурной среды, в предпочтении представителей власти и обывателей

Параметры архитектурной среды		Пространства власти	Селитебные территории
1. Рельеф местности	Равнинный	+	+
	Холмистый	+	+
	Гористый	+	-
2. Расположение зданий относительно форм рельефа	На вершине	+	-
	Посередине склона	-	+
	У подножья	-	+
3. Близость водоемов и водотоков	Вблизи	+	+
	Вдали	+	-
4. Предпочитаемая видимая форма береговой линии	Прямая линия	-	+
	Коса (полуостров)	+	-
	Залив (бухта)	+	+
5. Предпочитаемая форма зданий в плане	Простая (квадрат и т. п.)	+	+
	Сложная составная	-	+
6. Расположение зданий относительно линии застройки	С выступом	-	-
	На линии застройки	-	+
	С отступом	+	-
7. Высота здания в сопоставлении с контекстом	Доминирование	+	-
	Сомасштабность	-	+
8. Светоцветовое решение ансамбля зданий	Пастельные тона	+	+
	Ахроматические	-	-
	Спектральные	+	-
9. Характер приближения к зданию	Тупик («утыкаясь»)	+	-
	По сложной траектории («углубляясь»)	-	+
	Тупик («утыкаясь»)	+	-

Обращаясь к психологии пространственных отношений власти и общества, следует отметить, что использование рассмотренных приемов наделения среды предметно-пространственного окружения теми или иными свойствами (таблица) вовсе не является гарантией синкретичного результата. Архитектурным пространствам свойственна как известная устойчивость значений (на временном отрезке, сопоставимым с периодом становления одного поколения), так и явление их трансформации.

Намеренное подчеркивание принадлежности архитектурных объектов субъекту власти способно создать «переполненность смысла». История убедительно показывает, что любое значение может быть отвергнуто или извращено: яркий пример – мавзолеи и монументы, имеющие однозначную связь (не допускающую расширенных ценностно-смысловых трактовок) с конкретной властной структурой или представителем власти.

Список литературы

1. Аркин Д.Е. Образы архитектуры и образы скульптуры. М.: Искусство, 1990. 446 с.
2. Сидоренко Е.В. Методы математической обработки в психологии. СПб.: Речь, 2004. 350 с.
3. Социальная психология в современном мире / под ред. Г.М. Андреевой, А.И. Донцова. М.: Аспект Пресс, 2002. 335 с.
4. Федоров В.В. Проблема восприятия и символического значения архитектурных пространств. Тверь: Издательство ТГТУ, 1997. 107 с.
5. Федоров В.В., Коваль И.М. Мифосимволизм архитектуры. М.: КомКнига, 2009. 216 с.
6. Федоров В.В., Килясханов М.Х. Пространства социального бытия. Тверь, 2010. 156 с.
7. Штомпка П. Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.

PSYCHOLOGY OF SPATIAL RELATIONS OF THE SOCIETY AND THE POWER

A.F. Shikun¹, V.V. Fedorov², A.I. Ivanchikova²

¹The Tver state university

²The Tver state technical university

The social world, including society and power relations, appears at researchers in forms of the environment of an in detail-spatial environment and consciousness. ability of the subject of the power to impose the will another to dispose and operate their actions is realized, among other, in creation of specific architectural spaces in which power structures settle down.

Keywords: *power psychology, the architectural environment, perception psychology, parameters of environment in preferences of social groups.*

Об авторах:

ШИКУН Алексей Федорович – доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда ФГБОУ ВПО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33).

ФЕДОРОВ Виктор Владимирович – доктор психологических наук, доктор культурологии, заведующий кафедрой архитектуры и градостроительства ГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет», e-mail: vvfnnf@tvcom.ru.

ИВАНЧИКОВА Анастасия Игоревна – соискатель кафедры архитектуры и градостроительства ГБОУ ВПО «Тверской государственный технический университет».